

ТАИНСТВО

сладкое увядание

Д. Вильямс

Д. Вильямс

Таинство. Сладкое увядание

<https://litres.ru/74534039>

SelfPub; 2026

Аннотация

Какова цена правды, если ради неё нужно разрушить весь свой мир?

Древние чары Этерн-Морта сталкиваются с мазутным смогом индустриального Аэрт-Лонга. На стыке этих королевств разворачивается масштабная драма о бессмертии души и великой, неподвластной времени любви, способной пробиться сквозь пепел веков и заклятия забвения. Но там, где боги и смертные ищут спасения, Хозяин таинственного Сада уже готовит своё судилище. Каждому, кто ступит под сень фиалковых роз, придётся обнажить свои истинные грехи и шрамы под оком властной пурпурной луны.

Здесь, среди изящных поклонов и готических шпилей, закручивается опасная игра. И когда на чуткие бутоны роз впервые за вечность падает белоснежный снег — из тени выходит тот, чьё имя шепчут со страхом. Кукловод, известный как Убийца Королей.

Содержание

Пролог. Сладкое увядание	4
Глава 1. Вечность пурпура	6
Глава 2. По праву крови	22
Глава 3. Грёза Этерн-Морта	38
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Д. Вильямс

Таинство.

Сладкое увядание

Пролог. Сладкое увядание

«Мрак в моих глазах безграничен, словно вечный океан, поглотивший и светлые, и тёмные воспоминания. В этой бескрайности я начинаю ощущать странный, едва уловимый аромат. В воздухе разливаются нотки свежего цветка, смешанного с холодным металлом и старым вином — тонкий перелив, в котором сплетаются сладость и тревога. Этот запах нежно убаюкивает, уводя меня прочь от реальности. Каждое мгновение кажется последним, словно я перешагиваю завесу между жизнью и смертью. Прежний мир отдаляется, обращаясь в прах и оставляя лишь тусклые, размытые очертания. Всё лишнее уходит, уступая место чему-то неизвестному, великому и новому. Эта пограничная атмосфера полна таинственности и предвкушения, будто каждый вдох насыщает меня энергией иного бытия. Я перерождаюсь. Та-

инстинтивное ощущение облегчения и спокойствия мягко тянет меня прочь от страха и боли, даря надежду на необозримое будущее. Земное тело становится лёгким, как пустой, покинутый кокон. Звуки затихают, превращаясь в мерный, далёкий гул морского прибоя. Глаза закрываются сами собой. Душа уже отталкивается от берега реальности».

Глава 1. Вечность пурпура

Пробуждение наступает в безмолвии зачарованного леса, где, словно вечный страж, возвышается монументальный замок. Глаза души открываются навстречу прохладе земли, укрытой бархатом чёрного мха. Дыхание ещё хранит дурманящий шлейф перехода, но сквозь него уже пробивается кристальная свежесть ночного воздуха.

Над тёмным куполом небес висит луна — огромная и властная. Её призрачные лучи пронзают листву, сплетая на земле узор из дрожащих теней. Существо медленно поднимается, тело наполняет невесомость, будто оно соткано из самого ветра. Каждое движение превращается в воздушный танец, исполненный в безмолвной гармонии.

Опускает на себя взор и замирает: она — воплощение чистого света, ещё не обрётшее окончательных черт. Освобождённая от оков плоти, соткана из мириад тончайших кристаллов, что пульсируют в унисон с мыслями. Под светом луны грани этих живых камней вспыхивают нежным перламутром. Кажется, будто в них заключены все северные сияния и звёздная пыль далёких галактик.

Нагота естества не рождает стыда — лишь ощущение свободы. Волосы шёлковым водопадом струятся ниже бёдер, в густых прядях путаются живые искры пурпура луны, мерцающие в такт биению кристального сердца.

Здесь она не случайная странница, а визионер — бесплотный дух, который лишь начинает читать загадочную книгу законов этого мира. Образ подчёркивает хрупкость и одновременно — ту колоссальную, скрытую силу, что дремлет в самом сердце света.

Вдали сквозь частокол древесных стволов пробивается холодное сияние небесного диска, заливающее мрачную, но завораживающую картину. На вершине острой, как клинок, скалы возвышается замок. Его шпили — тонкие и высокие, будто иглы, — пронзают тьму, сшивая воедино небо и землю. К вратам, словно застывший хребет гигантского змея, тянется над бездной узкий, извилистый мост. У подножия скалы раскидывается бескрайний сад — безбрежное море фиалковых роз, среди которых крепость вырастает, подобно чёрному кристаллу, рождённому из цветочных грёз.

Сущность окружает лес. Деревья-исполины с искривлёнными ветвями сплетаются в кружевные узоры на фоне бездны неба. Их листва в свете загадочного светила не просто темна — она отликает оттенками сливы и ночи, превращая чащу в живой океан пурпурных теней. Лес дышит и шепчет; это не просто шелест ветра, а тихие вздохи забытых имён, эхо старых историй. В каждом стволе, в каждом лепестке розы сокрыты чьи-то судьбы, любовь и горе. Звуки природы сливаются в единую песнь о давно ушедших духах, о надежде и утрате, пробуждая в ней первую искру познания.

Настигает осознание: она не одинока. Вокруг, словно при-

зрачные светлячки, движутся иные проявления света — такие же ищущие. Они тянутся к тайнам нового мира, стремясь разгадать его загадки.

Вдруг в сознании рождается шёпот — тихий, но настойчивый зов, что манит к мосту, прочь от неизведанных троп. Дух понимает: этот путь — не конец, а лишь робкое начало. Лёгкое и невесомое, будто полёт бабочки, новое существование расправляет крылья. Восхитительная сила перемен поднимает фигуру над землёй. Замок зовёт. Пора сделать первый шаг в неизвестность, навстречу тайнам, что ждут на другой стороне.

Ветер, полный древних предзнаменований, обвивает её, словно старая знакомая, и шепчет о сокрытом, что прячется в каждом изгибе леса. Сущность парит над тропой, робко соприкасается с росистыми травами и оставляет за собой тончайший след мерцающей пыльцы. Она медленно оседает и тает, как далёкое детское воспоминание.

Тропа живёт своей скрытой жизнью: извивается, маня в самые глубины чащи. Стволы деревьев, покрытые серебром лишайника, стоят немymi стражами. Их искривлённые ветви сплетаются в полупрозрачный свод, сквозь который льются игривые блики луны. Воздух густ и сладок — пахнет влажной землёй, неведомыми цветами и чем-то неуловимо прекрасным, как само предвкушение чуда.

В тишине порой рождается едва слышная мелодия — то ли это вздох ветра в листве, то ли песня спрятавшейся пти-

цы, а быть может, и тихий голос заблудших душ, растворяющихся в этом вечном пространстве. Хрустальная странница не знает страха — всепоглощающее любопытство толкает вперёд. Она откликается на зов замка, на шёпот, который становится всё настойчивее.

Вокруг зарождаются и гаснут другие светящиеся фигуры — будто звёзды, что вспыхивают и исчезают в бездонной ночи. Они, как и она, идут к чертогу. У каждого свой путь, своя цель и своя судьба.

По мере приближения к саду ароматы роз сгущаются, становятся почти осязаемыми, превращаясь в живую, дышащую пелену. Фиалковые цветы, как драгоценные камни, рассыпаны по земле. Их лепестки, сотканные из бархата и лунного света, переливаются, создавая омут, в котором хочется утонуть.

С каждым шагом крепость становится всё ближе, а присутствие ощущается осязаемой тенью. Чёрная монолитная структура излучает холодную, манящую энергию. Шпили уходят так высоко, что, кажется, они стремятся проткнуть сам диск луны.

Лес расступается. Открывается огромная поляна, пугающая своей густотой и безмолвием. Это сад, залитый пурпуром необычных роз. Их лепестки глубокого фиолетового цвета, бархатные, почти чёрные в тени, подставляют края под дрожащую росу, похожую на жидкое серебро. Запах здесь дурманный: густой, приторно-сладкий, с металличе-

ским привкусом, напоминающий тот самый «аромат перехода», что усыпил её в прошлой жизни.

В сознании рождается мысль, ясная и чужая одновременно: «Замок на горизонте. Теперь он виден во всей красе. Его шпили кажутся ещё выше, а извилистый, узкий мост, парящий над невидимой пропастью, выглядит как тонкая нить, соединяющая сад с воротами. Кажется, что чертог наблюдает за каждым моим шагом десятками пустых окон-глаз, отражающих неземной свет луны».

Она робко скользит в нескольких миллиметрах над покрытыми росой лиловыми цветами и замечает необычную особенность растений: розы не вянут и не ломаются — они склоняются перед ней, словно узнают свою хозяйку... или свою новую пленницу. У роз нет шипов — в этом мире красота не защищается, она просто поглощает.

Продолжая свой полёт, дух заворожённо наблюдает, как свет дробится в её кристалльных гранях. Подняв призрачные руки, смотрит, как радужные блики играют на пальцах, а волосы, струящиеся чуть ниже бёдер, кажутся живой ночной рекой. Это чувство совершенства — избавленное от боли, веса и земного тлена.

Блаженство прерывается у подножия моста, рядом с краем сада. Впереди лежит тот самый извилистый мост. Под ним царит бездонная пропасть, затянутая густым белым туманом.

Собрав всю свою волю, сущность делает шаг вперёд, на-

мереваясь проскользнуть над узким каменным полотном, но резко наталкивается на незримую преграду — барьер. Как только сияющая стопа пересекает черту, где заканчивается земля и начинается мост, пространство вокруг искажается. Воздух становится плотным, как лёд. Мост, ведущий к замку со шпилями, не принимает чистую душу, холодно отторгая её.

Здесь, кажется, властвует сам закон разумного камня — холодный, как вечность, и неумолимый, как судьба: «Я, сотканная из света и кристаллов — лишь дуновение ветра, неспособное оставить след на его чёрных камнях».

И стоит осознать эту жестокую истину, как нежное свечение угасает, соприкоснувшись с поверхностью хребта — мёртвенно-чёрной и безжизненной. В окнах замка, словно в ответ на её бессилие, вспыхивают первые огни — холодные, как льдинки-звёзды. Замок насмехается над эфемерностью: «Ты — никто здесь, пока не обретёшь плоть».

Отчаяние пронзает острее, чем самый тонкий кристалл формы. Быть совершенством, божеством из света — и разбиться о бездушную полоску камня... Это зловещая ирония мира.

Побеждённая, сущность отступает от края бездны. Взгляд падает на беседку, которую в упоении собой она прежде не замечает. Та стоит на другом краю сада, у самого обрыва. Её изящный каркас из чёрного металла полностью укрыт живым саваном из лиан и роз.

Внутри царят запустение и покой. Ни души. Лепестки, словно фиолетовый снег, бесшумно осыпаются с потолка, устилая пол живым, мягким ковром. Это место забыто временем.

Страницу, словно магнитом, тянет туда. Не размышляя, она скользит сквозь розы к этой одинокой постройке.

Объятая отчаянием, касается ладонью колонны, воздух сверху начинает дрожать и сгущаться. Из тончайших нитей лунного света и глубоких теней, что отбрасывают шпили замка, ткётся мужской силуэт.

Незнакомец сидит на самом краю остроконечной крыши, небрежно свесив одну ногу вниз. Фигура осязаемо материальна, весома — полная противоположность кристальной эфемерности. Он облачён в длинный графитовый плащ, потрепанный ветром и местами рваный, чей подол сливается с клубящимися тенями. На ногах — высокие сапоги, хранящие следы дальних дорог.

За завесой густых фиолетовых прядей, что падают по бокам, выглядывает осунувшееся лицо. Глаза ясного, пронзительного фиалкового оттенка приковывают к себе блеском, но взгляд не пугает. Напротив, от него исходит глубокое, осязаемое спокойствие, пропитанное нотками древней гармонии.

Тело не двигается, но сущность каждой своей гранью ощущает тяжесть внимания. Вдруг голос звучит не в ушах, а в кристальном разуме, эхом отражаясь внутри:

— Красота без плоти — лишь сон. А сны здесь не переходят мостов..

Суровая фраза обрывается, оставив тишину.

«Кто ты? — проносится в сознании. — Страж порога? Бывший житель, покинувший эти стены? Или... изгнанник, обречённый вечно скитаться?»

В ней вспыхивает робкая надежда: «Он точно должен знать секрет "воплощения"». Замерев, она испытывает странное волнение, словно перед ней распахивают дверь в новую, неизведанную тайну.

Неизвестный нарушает тишину. Голос, наполненный спокойствием и уверенностью, усыпляет и пьянит одновременно, как аромат роз.

— Твоё имя... — настойчиво, но мягко раздаётся в тишине.

Дух не готов к прямому вопросу. Кристальное естество не имеет имени, как не имеет и прошлого — лишь бесконечное «сейчас». Бестелесность, столь украшавшая её в мире грёз, теперь становится главным недостатком, золотой клеткой. Она вновь ощущает, как отчаяние ледяной волной накрывает с головой. Сон о совершенстве разбивается о суровую реальность — быть божеством и одновременно никем. Свет луны, кажется, лишь ярче высвечивает печаль и растерянность, подчёркивая эфемерность на фоне прочного, материального мира.

Незнакомец, кажется, понимает безмолвный ответ. Гла-

за, глубокие, будто звёздное небо, смотрят на неё без тени осуждения, вглядываясь в суть её бытия. В их отражении дух улавливает не жалость, скорее — тихое понимание.

Словно вспышка молнии, в её разуме промелькивает озарение. Имя рождается из ниоткуда, наполняя пустоту смыслом. Без сомнений и всяких раздумий она смело и чётко провозносит вслух:

— Моё имя — Карлия... Но кто Вы? — взгляд, полный надежды и тревоги, устремляется на мужчину.

Тот от удивления слегка приоткрывает рот, на губах играет сдержанная улыбка. В ней нет ни капли той насмешки, что исходит от замка, ни холода отторжения, которым встречает мост. Он видит её. Воспринимает. И, возможно, становится единственным, кто может помочь.

Он указывает на мост, что всё ещё возвышается впереди — холодный и неприступный.

— Этот путь для тех, — мягкий, но утверждающий голос звучит в таинственной тишине, — кто оставляет след. Кто живёт, любит и теряет.

— Я — Теневой Страж, — продолжает он после краткой, многозначительной паузы и с гордой нежностью проводит рукой по воздуху, очерчивая пальцем контуры поляны. — А это... — голос дрожит от восторга, — мой очаровательный Сад Фиалковых Слёз!

Слова радостного восклицания рассыпаются в ночном воздухе, словно драгоценные камни.

— Взгляни на эти прекрасные розы! Они великолепны!

Повинуясь жесту, она оборачивается вполоборота и окидывает сад восхищённым взглядом.

— Да, эти розы и вправду очень прекрасны... И загадочны. А скопившаяся на них роса игриво освещает их волшебным светом луны, — отвечает сущность, не в силах отвести взор от зрелища.

Тело хозяина сада чуть наклоняется вперёд, лицо затуманивается безудержным интересом. Словно делится величайшим секретом, подогревая её любопытство.

— Присмотрись... — шепчет он, и голос отдаёт бархатом, как сама ночь. — Откровение в каплях.

Она замирает, вглядываясь в бескрайнее море. Слова эхом отдаются в разуме, заставляя смотреть глубже, за грань видимого. Фигура склоняется над ближайшими бутонами. То, что она поначалу принимает за росу, при внимательном рассмотрении оказывается окаменевшими слезами.

Некоторые капли сияют так ярко, что слепят глаза. Другие же, мутные и тёмные, напоминают грязный лёд или застывший дым. Страж, продолжающий восседать на краю крыши, едва заметно проводит рукой, и конец тёмного плаща колыхнется, подобно крылу ворона. Поднимается ветер, играючи подхватывая с земли осыпанные лепестки и закружив их в танце.

— Эти розы жаждут не воды, а истины, Карлия, — голос его, вкрадчивый и проникновенный, звучит с оттенком горь-

кой иронии. — Шипов нет, потому что боль причиняет не сталь, а собственное отражение. Чтобы обрести плоть и ступить на извилистый мост, тебе нужно стать частью этого сада. Но какую каплю добавишь ты в это море?

Лицо хозяина мутнеет, окончательно наполняясь жутким предвкушением, которое и вдохновляет, и трагически пугает его самого.

Она начинает понимать: кристальное тело — это чистый лист. Но глубоко внутри её преследуют чувства, эмоции и мысли от той, «другой» жизни, запертые на ключ: воспоминания обо всех деяниях, тайных желаниях и потаённых страхах.

Вновь тишина нарушается:— Чтобы получить тело, всего лишь прикоснись к одной из роз. Они сами дадут тебе ответ.

Он замолкает. В его голове крутится единственная мысль: не всякий идёт на такой риск, но она должна это сделать и завершить испытание прозрачностью.

Пока он продолжает размышления, дух замечает деталь, от которой по кристальной коже пробегает дрожь. На его руке, сжимавшей край крыши, надета перчатка из тончайшего чёрного кружева. Но сквозь ажурную ткань не просвечивает кожа — внутри вместо ладони клубится лёгкий, живой сиреневый дым, словно туман, пойманный в ловушку.

Теневому Стражу удаётся подвести гостью к осознанию горькой истины: кристальное совершенство — лишь холодная, безжизненная оболочка.

С этого мгновения сад перестаёт быть просто украшением, превращаясь в опасное судилище душ. Естество парит посреди бескрайнего моря роз, её внутреннее сияние дрожит, как пламя свечи на ветру.

Молча склонившись к первой попавшейся розе, она медленно, без тени страха касается бутона, и ритуал воплощения совершается.

Глаза слабо прикрываются. Сияние кристаллов пульсирует в такт болезненным вспышкам воспоминаний. Она видит тот самый мрак, чувствует холод иглы и ту звенящую пустоту, которую тщетно пытается заполнить забвением. Это не просто грусть. Это пронзительное осознание: её уход является бегством.

Из уголка мерцающего глаза выкатывается единственная капля. Она медленно скользит по кристальной щеке, вбирая в себя все оттенки души: и небесную чистоту стремлений, и тёмную мусть слабостей.

Хозяин сада затаивает дыхание, наблюдая за долгожданным моментом истины. Слеза падает на бархатный лепесток фиалковой розы.

Если она прозрачна как алмаз — роза раскрывается, даря лёгкую, прекрасную, почти божественную плоть. Если же в ней мутные разводы — цветок начинает терзать духа, обращая грехи в тяжкие цепи, а слабости — в грубую кожу.

Голос с крыши беседки становится осязаемым, будто прикосновение шёлка:— Не бойся мути, Карлия. Идеально чи-

стые души скучны — они улетают к звёздам. Нам же, обитателям замка шпилей, нужны те, в ком есть хотя бы капля благородного яда...

Как только влага касается цветка, поле роз приходит в движение. Лепестки, словно обезумевшие птицы, срываются с бутонов и, закручиваясь в чёрный, шелестящий вихрь, устремляются к её невесомым ногам.

Предвкушая судьбоносное завершение, колдун ведёт мысленный диалог с самим собой: «Сказав тебе правду, что ритуал — это не волшебное преобразование, а жестокая вивисекция души, где твой внутренний свет вступит в смертельную схватку с накопленной болью, ты бы в ужасе отступила от края бездны. Но я не могу этого допустить...»

Поляна роз превращается из райского сада в поле битвы. Кристаллы внутри начинают вибрировать с такой неистовой частотой, что само пространство вокруг подёргивается рябью. Свет — чистота существа, стремление к прекрасному — отчаянно сопротивляется поглощению. Тьма — зависимости, слабость перед морфием, предательство самой себя — жадно вцепляется в материю.

Она кричит, но звука нет — лишь снопы искр вырываются из кристальной груди. Фигура раскалывается надвое: одна половина наполняется ослепительным белоснежным сиянием, другая — тёмным, дымчатым светом. Борьба длится всего минуту, но для неё это становится мучительной вечностью.

Тьма начинает одерживать верх, жадно подползая от пояса к голове и поглощая последние островки света. Лишь глаза остаются единственным белым пятном. Но вот они вспыхивают — свет в очах вырывается на свободу, пронзая бездну испепеляющим лучом. После яростного, окончательного поглощения чёрной скверны сад озаряет слепящая вспышка, и наступает тишина. Луна на мгновение бледнеет перед этим чистым сиянием.

Свет внутри успокаивается. И тогда лепестки роз безжалостно накидываются на духа. Она чувствует, как её буквально «сшивают» заживо из теней и бархата.

Теневой Страж даже не шелохнётся, наблюдая за этой агонией с холодным любопытством эстета.

— Прости за ложь, — прошелестел он, когда лепестки начинают врезаться в её субстанцию, становясь сосудами и нервами. — Но в нашем мире только через боль рождается что-то стоящее. Бесплотные души не могут войти в замок шпилей. Им нечем чувствовать вкус вина и холод камня.

Фиалковые лепестки начинают превращаться в нити, сплетаясь в одеяние. Это не обычная ткань — живой плащ из тысяч лепестков тяжёлыми складками укрывает тело до самых лодыжек. Он пахнет ночным дождём и свежестью, а на плечах переходит в чёрные кружева, похожие на застывшую пену.

Дева чувствует, как стопы весомо и отчётливо опускаются на землю. Появляется пульс. Она смотрит на ладонь — ныне

созданную из плоти и крови.

Вихрь утихает. На траве стоит другая Карлия. Кожа бледная, как лунный мрамор. Тело прикрывает прочный, идеально скроенный плащ из бархатных роз. Ощущается осязаемость дыхания. Чёрные пути, что тянутся к её глазам, растворяются, оставив лишь кристальную ясность. Она побеждает страх смерти и тяжесть своего «морфинового» прошлого. Теперь душа не просто набор осколков, а единый монолит. Новая грудь вздымается, сердце бьётся медленно и гулко, как колокол на одной из башен замка. Чувствуется вес собственного тела — это кажется одновременно даром и проклятием. Она снова смотрит на руки — это не прозрачные кристаллы, а живая, тёплая кожа, форфоровая и нежная, чувствующая кончиками пальцев текстуру лепестков плаща.

Хозяин роз легко, словно тень, спрыгивает с крыши. Ноги касаются земли бесшумно, будто они сотканы не из плоти, а из ночного ветра. Он подходит к ней вплотную, и теперь она видит очертания его глаз с пугающей ясностью — они изредка переливаются тем же мистическим пурпуром, что и луна над их головами.

— Ну вот, — его голос звучит мягко, ласково утверждая её новое состояние, — ты готова к прогулке.

Галантно, с изящным поклоном, он указывает рукой на узкий мост. В этом жесте больше нет ни власти, ни превосходства — лишь молчаливое признание силы и пройденного испытания.

— Но помни, — тихо раздаётся в ночи, и его слова касаются её слуха, как дыхание холодного ветра, — твоя чудесная душа теперь заперта в этой прекрасной клетке.

Странница, пропустив предостережение мимо ушей, с замиранием сердца смотрит на бутон со своей застывшей слезой. Кристальный след на лепестке становится первой печатью в этом мире. Пока остальное море роз колыхается в такт пурпурному ветру, эта единственная роза застывает в вечном мгновении, храня в себе частицу её сути.

Глава 2. По праву крови

На глубоком фиолетовом бархате сверкает капля, которая не испаряется и не впитывается. Она превращается в чистейший алмаз, и его грани преломляют блики луны, отбрасывая на живой плащ сотни крошечных радуг. Это символ победы над внутренней тьмой — чистота, рождённая из боли. Или же кристальное клеймо, даровавшее жизнь и навеки сохранившее память о цене этого дара.

Колдун наблюдает за ней, и на его губах играет едва заметная улыбка.

— Ты проходишь через огонь, — продолжает он, и в тоне звучит уважение. — И теперь мост принимает тебя. Но замок... он смотрит. Он всегда смотрит, не прощая слабости тем, кто однажды вкусил плоть. Ты удивляешь меня, Карлия.

Его голос звучит без тени иронии, в нём слышится глубокое уважительное изумление.

— Многие здесь сдаются тьме, становясь лишь безмолвными тенями. Но ты... ты сохраняешь свой свет, а это редкий дар в мире пурпурной царицы.

Страница поднимает взгляд на собеседника. Сердце, отныне живое и горячее, стучит в ритме, пробуждённом новой, неведомой силой. Она молча кивает, принимая его слова так же, как принимает кристальную слезу. Взор скользит по мо-

сту, уходящему в неизведанное, и в груди укрепляется первая решимость.

«Эта клетка прекрасна, но она не сможет удерживать меня вечно» — мысль звучит громче любых клятв.

— Моя душа — мой свет, — отвечает дева тихим, но уверенным голосом, в котором звенит сталь, — и я буду нести его через мир, каким бы тёмным он ни был.

Она смотрит на Стража, и глазах читается не только решимость, но и зарождающаяся, неукротимая сила, которую он, кажется, уже чувствует.

Тот едва заметно кивает. Фиалковые глаза мерцают, отражая холодный свет луны:

— Я буду рядом.

Он делает приглашающий жест в сторону моста, который после пройденного испытания кажется не таким уж пугающим, хотя бездна под ним по-прежнему дышит вечным льдом.

— Иди. Мост принимает тебя. Камни узнают в тебе живую душу. Но будь осторожна: свет привлекает не только чистых, но и тех, кто разучился видеть его века назад.

Сделав прощальный кивок, она бесстрашно направляется к чертогу. Фиалковые розы вокруг колыхнутся, словно приветствуют её, но взгляд уже устремлён только вперёд, к тому, что ждёт за горизонтом. Каждый шаг отмеряет путь от прошлой себя к новой — той, что проходит через огонь и выходит из него закалённой. Пурпурный диск парит высоко

в небе, свет окутывает всё вокруг, и Карлия чувствует, как связь с этим миром становится всё крепче.

Она больше не просто путница, ищущая дорогу, а перевоплотившийся хранитель своего света, готовый идти вперёд, несмотря ни на что.

Перед ней вырастает мост — высокий и узкий, извилистый, словно каменная нить, натянутая между краем обрыва и неприступными воротами крепости. Он кажется не построенным, а выточенным из самой скалы, порождённым древней и суровой магией.

Сделав шаг, босая ступня касается холодного, шершавого камня, ощущая осязаемость мира каждой клеточкой. Мост слегка вибрирует, отвечая на её присутствие, будто живое существо, приветствующее гостью, что осмелилась ступить на его хребет. Под ногами шелестит вековая пыль. С обеих сторон расстилается бездна, до краёв залитая густым белым туманом, который колыхнется медленно и тяжело, скрывая под собой истинную глубину пропасти. Кажется, замок парит в облаках, отрезанный от земного бытия этим призрачным, молчаливым морем.

Мост так узок, что страннице приходится идти, расправляя плечи и балансируя над пропастью. Но страха больше нет — свет, победивший тьму, горит внутри ровным, спокойным пламенем.

Ветер на такой высоте холодный и резкий; он рвёт конец плаща, слегка оголяя ноги и пытаясь сбить её с узкой тропы.

Но она идёт вперёд с уверенностью, которую не смела и ожидать. Не смотрит вниз, где в туманной заводи тонут все звуки и страхи. Взгляд прикован к массивным створкам врат, которые в свете пурпура отливают матовым серебром.

Мост вибрирует в такт шагам, откликаясь на внутреннюю силу идущей. Чем дальше она уходит от твёрдой земли, тем тише становится мир за спиной. Туман подсвечивается фиолетовыми, лунными бликами, создавая иллюзию, что натура плывёт по самому небу, оставляя позади всё земное и тленное.

Извилистый путь остаётся позади. Из седой пелены ткутся массивные створки, роняющие холодные отсветы серебра. Едва ладонь касается их грани, как тяжёлый металл — вопреки земным законам — бесшумно тает, расходясь в стороны. Карлия замирает на самом краю моста: пред взором бьётся живое сердце этого мира.

Она ждёт неизведанного — жгучего удара, суровых испытаний или ослепительной вспышки магии. Но вместо бури лицо окутывает волной живого, ласкового домашнего тепла. Ошеломлённая увиденным, странница застывает на пороге.

За стенами замка дышит город — воплощение викторианской грёзы, затопленный мягким светом незаходящего солнца. Узкие мощёные улочки убегают вверх по склону, увлекая за собой домики с высокими мансардами и кружевом кованых балкончиков, увитых тёмным плющом. В окнах теплится янтарный свет свечей и газовых рожков, даруя покой и

безопасность.

Здесь царит безветрие. Воздух, замерший и густой, напоён ароматами свежей выпечки, сухих трав и едва уловимым дыханием роз, что идёт за девой по пятам с самого начала пути. По улицам неторопливо скользят люди. Облачённые в изысканные одежды и платья с кружевами, они двигаются плавно, исполненные тихого достоинства.

Издалека доносятся приглушённые разговоры, тихий смех, хрустальный перебор струн и мерный стук экипажных колёс. Долетает едва слышный звон посуды из распахнутого окна ближней таверны и негромкие голоса, текущие за неспешной беседой о бытовых мелочах. Взгляд, скользящий по сторонам, не находит и тени опасности — лишь умиротворение. Старик в простом льняном фартуке лениво подметает порог своей лавки и, встретившись с ней глазами, дарит тёплую улыбку. Прохожий джентльмен в высоком цилиндре, шагая мимо, едва заметно приподнимает его в безмолвном приветствии.

Это королевство, где само время замирает в своём самом прекрасном, безмятежном мгновении. Здесь безраздельно царят тишина и покой. Город кажется тихой, сонной гаванью для душ, которые, подобно ей самой, перенесли суровые испытания и наконец обрели долгожданное пристанище.

Карлия делает шаг и переступает порог. Её бархатный плащ и волна длинных волос ловят на себе чужие взоры, но в них нет ни капли враждебности — лишь вежливое любо-

пытство и лёгкая, едва уловимая настороженность.

Высоко над черепичными крышами властвует огромная луна. Её неземное сияние струится на мостовую, превращая простые булыжники в россыпь блестящих камней, а тени от цветочных горшков — в глубокие, чернильные пятна. И вопреки этому колдовскому небесному свету, город-королевство продолжает жить своей будничной, убаюкивающей, почти сонной жизнью.

Собравшись с духом, она ступает на главную улицу. Каждая струна её тела натянута до предела: ждёт, что этот дивный морок вот-вот растает, обнажив хищные клыки. Но тот не спешит нападать. Он дышит ровно и спокойно, увлечённый своими буднями. В распахнутых дверях ремесленных мастерских виднеются сосредоточенные лица мастеров, завершающих свои труды. Их вполголоса текущие беседы сливаются в единый гул, похожий на мирную колыбельную.

Мимо проносятся дети, растворённые в своей игре; один из мальчишек на миг замирает, засмотревшись на диковинный бархатный плащ незнакомки, но тут же уносится вслед за друзьями, рассыпая звонкий смех и не чуя никакой угрозы. Тёплый свет из окон сплетается с фиолетовым сиянием луны, сотворяя уютную, зыбкую игру красок.

Однако первое восторженное чувство «райского прибежища» внутри странницы начинает медленно таять. Ему на смену приходит странное, колющее ощущение собственно-го одиночества и чужеродности. Всматриваясь в лица прохо-

жих, она не находит в них кристального сияния. У смеющейся женщины лучатся заметные морщинки у глаз, газетчик в помятой кепке звонко выкрикивает заголовки вечерних новостей, а к аромату роз вдруг подмешивается густой запах жареных каштанов и дёгтя. Перед ней — существа из плоти и крови. Они ссорятся, отчаянно торгуются, пылко влюбляются и... послушно умирают здесь от старости.

Горожане провожают её взглядами, видя в ней «Пришедшую». Выдают — плащ, сотканный из лепестков роз, и босые ноги — явный знак либо высокого происхождения, либо опасного, пугающего дара. В их вежливых кивках теперь читается не просто приветствие, а лёгкая, настороженная опаска.

Только сейчас она до конца понимает, почему Страж у ворот так отчаянно настаивал на «воплощении». В этом странном мире невозможно оставаться просто бесплотной душой. Здесь необходимо обрести имя, кров и положение в обществе. Без осязаемой плоти Карлия была бы для этого королевства лишь докучливым, невидимым сквозняком.

Она замирает посреди оживлённой улицы. Роскошная волна её волос и диковинный плащ заставляют толпу благоговейно расступаться. Большинство прохожих смотрят на неё с искренним трепетом, но находятся и те, кто свято хранит молчаливый уговор: «Не трогай Пришедшую, и она не тронет тебя». Несмотря на своё наивысшее совершенство и явное превосходство, дева чувствует себя глубоко чужой.

Она идёт дальше, вглубь улиц, которые медленно выводят к центральной площади с фонтаном. Оттуда надвигается пёстрая, бурлящая толпа, где переплетаются все жители: блистательное высшее общество, скромные простолюдины и самое низшее, бесправное звено. Прогуливающиеся здесь дворяне величают себя «чистыми аристократами» — кровью этого королевства, веря в её священную силу. Их кожа лучится сиянием, ухоженные волосы уложены в замысловатые причёски, а тяжёлый бархат и тончайший шёлк одеяний отливают тем же серебром, что и врата. Они ступают с грацией, а их смех звучит негромко и самоуверенно. Лунный свет словно ласкает их, заставляя драгоценности на пальцах и на рядах вспыхивать ярче.

Среди этого ослепительного великолепия серым мирным пятном выделяются простые люди. Одетые в опрятные платья из плотной ткани, без лишней броскости и фальшивого блеска, они держатся в стороне. Их чистые волосы аккуратно собраны или мягко развеваются по ветру. Среди них встречаются как новоприбывшие, так и те, кто пускает здесь глубокие корни, но никто из них не кичится своим умиротворённым положением.

Напустив на себя важный вид, пришедшая уверенно пробивается сквозь плотное, душное скопление людей, стремясь как можно скорее вырваться из этого плена. Оставив позади самое шумное место, она решает остановиться у прохлады фонтана.

Оглядевшись, замечает, что в глубоких тенях домов и по самым укромным уголкам центральной площади ютятся совсем другие существа. Прямо у бордюра фонтана сидит мужчина в ветхих лохмотьях, чьё лицо пересекает глубокий, рваный шрам — неизгладимый след старой плети или острого клинка. Чуть поодаль женщина в кандалах, покорно разливают воду из чаши в тяжёлые деревянные вёдра. Их взгляды кажутся пустыми, а движения — отрывистыми и механическими. Но вопреки этому угнетающему зрелищу, их глаза остаются удивительно светлыми, добрыми и отражают глубокую внутреннюю гармонию.

Несмотря на то, что их души когда-то были искажены тёмным изъязном и теперь волокут за собой бремя тяжёлой судьбы, они ведут здесь по-своему свободную жизнь, наравне со всеми остальными. Эту отверженную нишу здешний мир прозвал «мечеными».

Карлия устало опускается на каменный бордюр фонтана. Явственно ощущает, как подступает лёгкая физическая истома, а душу захлёстывают смешанные, противоречивые эмоции от всего увиденного. Настаёт тот самый подходящий миг, чтобы наконец утихомирить внутреннюю бурю, примириться с новой реальностью и начать медленно вливаться в здешнюю обманчивую суету.

А за стенами замка, там, где городской шум тонет в аромате тёмных роз, замирает Теневой Страж. Окутанный игристым, колдовским пурпуром луны, он безмолвно созерцает красоту своих любимых цветов.

Спустя мгновение он переводит свой мягкий, задумчивый взгляд на тянущиеся к небу шпили замка и чутко изливает в ночную прохладу едва слышный шёпот:

— Карлия, там, за бездной, твоя кровь скажет за тебя больше, чем твоё имя. Для них ты станешь колыбелью, сладкой и вечной усладой... или... пустым существованием несбывшихся надежд.

Этой сокровенной мыслью он делится со своими подданными. И цветы незамедлительно, как один, колышутся сильнее прежнего, чутким трепетом посылая своё полное согласие в ответ ласковому слову хозяина.

Тем временем на площади странница ещё раз оглядывает окружающих людей и величественную архитектуру зданий, всем телом ощущая на себе тяжесть сотен пристальных взглядов. Роскошный бархат плаща мягко ласкает кожу, безмолвно напоминая о её исключительном статусе, о котором так предупреждающе говорил Страж. Ей вспоминаются его пророческие слова: «К тебе будут относиться по происхождению». Только теперь, посреди этой площади, она постига-

ет их истинный, пугающий смысл. В здешнем месте не имеет значения, что именно она совершила в прошлой жизни. Важна лишь эта ослепительная, лилейная белизна кожи и чистота черт, способные открывать любые двери.

Вода в фонтане игриво и шумно плещется, зеркально отражая её дивный лик. Один из аристократов — высокий мужчина с тонкими, породистыми чертами и бледной, почти как у неё кожей — медленно отделяется от нарядной толпы. Плавно, точно в полусне, он подходит к пришедшей и благоговейно преклоняет колено, не смея поднять восторженных глаз на её наготу, едва прикрытую тяжёлыми складками бархата.

— Лишь немногие ждут знамения, — его голос ощутимо дрожит от глубокого, благоговейного волнения. — Но мы не смели надеяться, что оно явится столь... совершенным.

Мужчина поднимается и, не проронив больше ни слова, спешит скрыться в сияющей массе своего круга, унося с собой довольную, торжествующую улыбку.

Это внезапное признание обескураживает Карлию. Опешив от услышанного, она раз за разом прокручивает в мыслях льстивые слова незнакомца. Увлёкшись размышлениями, она совсем не замечает, как сквозь толпу прицельно приближаются двое мужчин в строгих мундирах цвета полуночного неба. На их груди зловеще и гордо сияют значки в форме тех самых остроконечных замковых шпилей.

Городская стража, затаенная в начищенные до зеркально-

го блеска доспехи, вышагивает к страннице, демонстрируя идеально ровную, струнную осанку и высоко поднятые головы. Их движения кажутся пугающе синхронными, а взгляды исполнены такого почтения, что оно граничит с искренним обожествлением.

— Ваша светлость! — громогласно произносит капитан стражи, и его бархатный голос неумолимо скрывает в себе холодную, непреклонную сталь.

Дева вздрагивает от этого резкого звука, и навязчивые мысли тут же освобождают её голову. Сбросив оцепенение, поднимается с каменного бордюра с подчёркнуто уверенным, царственным видом и внимательно смотрит на замерших перед ней воинов. Капитан, не колеблясь, продолжает:

— Это королевство — Ваш дом по праву крови. Мы подготовили для Вас Верхние покои — в лучшем, самом изысканном районе, излюбленный высшими аристократами. Позвольте нам проводить Вас.

Выслушав предложение, Карлия едва заметно кивает и следует за своим почётным караулом. Босые ноги почти не касаются гладких камней мостовой, а дорогой, тяжёлый плащ шлейфом волочится по земле. В этот миг она кажется призрачным видением, высеченным из чистейшего мрамора — недостижимым, прекрасным и холодным.

Сумерки неотвратимо опускаются на площадь, окутывая старинные улицы викторианской эпохи лёгким туманом, который причудливо смешивается с едким угольным дымом,

струящимся из сотен печных труб. Страница ступает сквозь этот сгущающийся полумрак, и её ослепительно светлый силуэт резко контрастирует с мрачной торжественностью здешней архитектуры.

По обе стороны дороги возвышаются массивные здания из тёмного кирпича с узкими стрельчатыми окнами, за стёклами которых тускло и зыбко мерцает свет масляных ламп. Вдоль улицы выстраиваются строгие чугунные фонари; их робкое желтоватое пламя, блёкнувшее на фоне огромной луны, отбрасывает на булыжники длинные, ломаные тени от штыков почётного караула. Гулкое, мерное эхо шагов стражников ритмично отражается от стен тесных переулков, где в глубокой тени подворотен поспешно прячутся случайные прохожие.

Роскошный бархат плаща странницы безжалостно собирает дорожную пыль и ночную влагу, но она, кажется, не замечает ни холода камней, ни грязи, оставаясь истинным воплощением безмолвного, величественного отчуждения среди суеты засыпающего города.

Путь к престижным Верхним покоям протекает через широкую, уходящую ввысь каменную лестницу. Именно там, на чистых, выскобленных ступенях, дева вдруг замечает одинокий бутон розы. Его лепестки уже слегка рассыпаются; прямо на её глазах они медленно темнеют по краям, подёрнутые безжалостным инеем увядания. Но где-то в самой глубине чашечки цветок всё ещё сохраняет свой истинный, колдов-

ской оттенок — цвет магии того самого хозяина сада.

Карлия на мгновение замедляет шаг, безошибочно узнавая эти особые, заповедные цветы. В этом странном королевстве, где всё кажется застывшим в вечном, идеальном равновесии, Страж умышленно оставляет свой явный след тления. Земная судьба странницы в этот миг определяется её высоким происхождением, вознося её на самую вершину. Но увядающая роза беззвучно шепчет ей совсем об ином: всё, что кажется в этих стенах нерушимым и идеальным, на самом деле так же хрупко, как эти умирающие лепестки.

Капитан стражи на секунду скользит равнодушным взором по чахнущему бутону, но не придаёт ему ни малейшего значения — для воина это лишь дорожный мусор, досадная оплошность нерадивых слуг.

Поднимаясь всё выше по широким ступеням, пришедшая наконец нарушает долгое молчание. Её голос звучит ровно, почти отстранённо, эхом разносясь в ночной прохладе:

— Капитан, ответьте мне, — она медленно переводит на него пронзительный взгляд своих ясных, лазурных глаз. — В вашей крепости встречаются ли чужаки, чьё происхождение не столь очевидно, как моё, но чьё присутствие... заморозительно?

Тот на мгновение хмурится, и в его подчёркнуто почти-тельном взгляде мелькает зыбкая тень воинской настороженности:

— Чужаки, госпожа? — переспрашивает он, едва замет-

но склонив голову. — Границы нашего королевства незыблемы. Извилистый мост — единственный путь в эти стены, и он открывается лишь тем, в ком теплится хотя бы малая доля чистой души. Никто и никогда не способен войти сюда незамеченным. Наши патрули неусыпно следят за каждым вдохом и каждым шагом ради всеобщей безопасности и священного порядка.

Собеседница продолжает внимательно ловить каждое слово, не выдавая своего волнения.

Тяжёлые доспехи воина тихо, металлически звякают в такт его шагу. На его тонких губах на миг промелькивает едва уловимая, холодная ухмылка, и он уверенно продолжает:

— Даже если на секунду представить, что некто может проникнуть за ворота без нашего ведома, он не протянет здесь и часа. Сам свет этой луны безжалостно выжигает любую ложь и чужеродную тьму.

Она чутко улавливает в его вкрадчивых словах скрытую, леденящую угрозу. Однако увиденный бутон красноречиво говорит совсем о другом. Загадочный Теневой Страж уже побывал здесь, и он явно не входит в число тех существ, которых самонадеянные стражники могут с лёгкостью выжечь своим призрачным лунным светом.

Капитан вновь воинственно выпрямляется, и бледное лицо становится непроницаемым, словно маска:

— Мы незамедлительно удвоим бдительность в жилых кварталах, если это вернёт покой и успокоит Вашу светлость.

Но уверяю Вас всем сердцем: здесь, в Верхнем городе, Вы находитесь в полной безопасности. В этой вышине каждый камень безоговорочно подчинён высшей воле.

Глава 3. Грёза Этерн-Морта

Процессия достигает просторных покоев, увенчанных изящным балконом с завораживающим видом на засыпающее королевство. Караул почтительно замирает перед узким четырёхэтажным особняком из благородного серого песчаника, который величественно возвышается по правую сторону от только что преодолённой лестницы. Его строгий фасад, украшенный лепниной и кружевом кованых балконных решёток, являет собой образец совершенства. На безукоризненных стенах нет ни следа угольной копоти, ни единой трещины — кажется, это монументальное здание существует в особом, более чистом измерении, недостижимом для земного тлена остального города.

Перед взором Карлии во всём своём великолепии расстилается уединённая небольшая площадь. Её пространство мягко огибает роскошные, замершие в безмолвии особняки, которые бережно окружены силуэтами высоких, устремлённых ввысь кипарисов и пышными, благоухающими кустами цветущих растений.

Улица Верхнего Шпиля ровной, безукоризненной лентой ускользает вдаль. Пальцы немеют от холода, хотя воздух ка-

жется тёплым. В горле першит от сухого, прохладного ветра. Сама площадь плавно раскидывается перед самым подножием величественного, окутанного тайнами замка, шпили которого грозно и гордо пронзают освящённое луной лиловое небо.

Тяжёлая дубовая дверь бесшумно отворяется, бережно пропуская хозяйку в неизведанный мир её нового крова. Внутри встречает мягкий, убаюкивающий свет газовых рожков и глубокий, приглушённый ворс ковров, который мгновенно поглощает беззвучные шаги. Поднявшись по изящной винтовой лестнице, она оказывается в своих личных покоях.

Здесь, на самом верхнем этаже, чопорная викторианская строгость уступает место камерной, завораживающей роскоши. Высокие стены затянуты манящим шёлком, а окна в пол открывают вид на темнеющую реку, по чьей зеркальной глади лениво плывут далёкие огни барж. В камине из белого камня уже уютно потрескивают дрова, наполняя комнату смолистым запахом сухой сосны и благодатным теплом, призванным согреть её «мраморную», замёрзшую кожу. Массивный письменный стол, кровать под тяжёлым, царственным балдахином, подсвеченная аметистовым сиянием луны, и расставленные повсюду хрустальные флаконы сотворяют атмосферу застывшего времени. Это идеальное убежище, где холодная странница может наконец остаться наедине со своими мятежными мыслями.

Окинув беглым взглядом просторную комнату, она заме-

чает резную ширму, за которой висят платья из тончайшей, расшитой парчи, достойные самой взыскательной дворянки. Однако взор её упрямо цепляется за дальний, полутёмный угол гардеробной. Там, вместо помпезных нарядов, покоится нечто иное: рубашка цвета слоновой кости в союзе с плотным кожаным корсетом, способным защитить тело не хуже лёгкого доспеха; удобные узкие штаны из прочной тёмной ткани и высокие сапоги на мягкой подошве, созданные словно для бесшумного бега по ночным крышам или каменистым мостовым.

Это облачение путешественника, воителя, но никак не изнеженной аристократки. Дева быстрым, решительным движением сбрасывает тяжёлый бархат с плеч. Ослепительно белая кожа на краткий миг вспыхивает в лунном свете, прежде чем надёжно скрыться под защитными слоями кожи и ткани. Переодевшись, она наконец чувствует себя прежней — не безжизненным идиолом для чужого поклонения, а той сильной душой, что может пройти через пугающую бездну. Новый наряд садится безупречно, возвращая былую воинственность и уверенность в себе.

Карлия подходит к окну. Улицы уже окончательно окутывает поздний вечер, площади практически обезлюдеют, а из окон домов начинает проглядывать ещё больше мягкого, интимного света.

«Тихая и свободная площадь... Это идеально подходящее время для спокойной прогулки. Вдруг мне удастся поближе

познакомиться с жизнью горожан и окрестностями этого города» — воодушевлённо думает она.

Вновь возвращается к гардеробу и среди вещей обнаруживает простой, неприметный дорожный плащ с глубоким капюшоном. Без лишних раздумий накидывает его на плечи, скрывая лицо, и решительно покидает покои, растворяясь в ночной прохладе.

Страница возвращается на погружённую в безмолвие площадь. В величественных особняках аристократов окна уже лишь частично светятся тёплым янтарём, а откуда-то издалека, с окраин, доносятся затухающие отголоски шумных компаний и ленивый лай собак. Изнеженное королевство медленно отходит ко сну. Высокие кипарисы едва заметно колышутся под дыханием лёгкого ночного ветра, а ночное светило всё так же безраздельно властвует в небесах.

Вдыхая прохладу полной грудью и жадно впитывая свежий, напоённый ароматами воздух, она неспешным, уверенным шагом направляется обратно к уже знакомому фонтану. Тугой чёрный корсет, выгодно подчёркивающий струнную осанку, и узкие штаны, заправленные в высокие кожаные сапоги, даруют ей давно забытое чувство подлинной силы. Ощущает себя воительницей, способной в любой миг постоять за свою жизнь. Каждая крупинка тяжести этих сапог возвращает Карлии ощущение земной опоры — теперь она стоит на каменистой мостовой твёрдо и нерушимо. Накинутый поверх дорожный плащ из добротной ткани, сохранив-

шей плотную текстуру, надёжно скрывает её от чужих глаз, а волна выглядывающих, длинных волос эффектно контрастирует с тёмной кожей её нового облачения.

Получившийся облик сотворяет удивительную метаморфозу: теперь дева неуловимо походит на знатную аристократку-наездницу или же на представительницу того особого, редкого сословия свободных «путешественников», чья кровь настолько высока, что позволяет им любые вольности. Где-то далеко стучит и стихает звук — будто капля падает в пустой колодец. Ветер приносит далёкий запах дождя — прохладный, чуть горьковатый. Для ночных жителей, которые могут встретиться на пути, пришедшая отныне выглядит одновременно опасно и магнетически притягательно.

Спускаясь по ступеням высокой лестницы, она бросает мимолётный взгляд на каменные плиты — от увядающего лилового бутона не остаётся и следа.

Приближаясь к фонтану, замечает у здания ратуши одинокую скамью, на которой лежит забытая кем-то газета. Страница скользит холодным взглядом по раскрытым страницам: громкие заголовки кричат о новых налогах, о скором сборе урожая загадочных «лунных злаков» и о грядущих пышных балах в Верхнем Шпиле. Эта кричащая будничность продолжает пугать её своей подчёркнутой нормальностью. Не желая тратить время на чужие новости, она твёрдо шагает по брусчатке туда, где плотными рядами выстраиваются дома, образуя длинную улицу.

Эта дорога ведёт напрямик к уже закрытым торговым рядам рынка и общественным заведениям. С каждым шагом дева всё острее чувствует, как жёсткая шнуровка корсета слегка сдерживает дыхание, упрямо напоминая: отныне она материальна, осязаема и, как любой смертный, уязвима.

Минуя на своём пути утопающие в пышных лианах домики, она сквозь уютные окна с тёмными кружевными занавесками наблюдает за тем, как за стёклами кипит до боли мирная, простая человеческая жизнь. В одной комнате женщина ласково укачивает младенца, в другой — старик сосредоточенно чинит старинные часы, а чуть дальше дружная семья шумно накрывает стол к позднему ужину.

Наглядевшись на этих умиротворённых, ни о чём не тревожащихся горожан, Карлия плотнее запахивает дорожный плащ. Скрыв от случайных глаз и корсет, и благородную выправку, она беззвучно растворяется в густых тенях, уводящих в нижние улицы.

Идёт долго и упорно, пока нарядные фасады окончательно не сменяются приземистыми, угрюмыми домами из грубого камня. Здесь даже кружева на окнах кажутся тяжёлыми и неотёсанными, а чистый ночной воздух напитывается густым запахом сырости, холодного камня и озёрной воды. Почти все окна этих жилищ уже окутаны глухим мраком — суровый нижний квартал давно спит. И лишь в самом конце глухого переулочка едва слышно звучат неразборчивые, хмельные голоса людей. Острое любопытство мгновенно охваты-

вает её. Шаг невольно ускоряется. Под ногами хрустит ветка — резко, как выстрел в тишине. Из непроглядной ночной темноты медленно проступают очертания внушительно-го, массивного здания, в немых окнах которого буйно и ярко пляшут насыщенные огни сотен свечей.

Она решительно толкает тяжёлую дубовую дверь. Изнутри её мгновенно обдаёт густым запахом табачного дыма, старого дерева и дешёвого эля. Низкие своды, закопчённые свечи, хмельной гул — и на миг тишина: десятки настороженных взглядов.

В самом центре зала тянется длинная деревянная стойка, окружённая толпой опьянённых и разговорчивых посетителей. За ней трудится человек, тщательно протирая потемневшую кружку серой тряпкой. Пришедшая целенаправленно двигается к нему, приметив единственный свободный табурет. Пробираясь к стойке, она без смущения всматривается в лица гостей — и здешний грубый люд не оскорблён её прямым взглядом.

Она грациозно опускается на высокий табурет у стойки. Кабатчик — грузный мужчина с лицом, похожим на иссушённый пергамент, — замирает с бокалом в руке:

— Для странницы вашего полёта у нас обычно заказывают «Слезу Ориона», — говорит он хриплым голосом.

Карлия обводит взглядом зал: кто-то спорит, стуча кулаками, кто-то азартно играет в кости.

— Пожалуй, откажусь. Пальцы немеют от холода, хотя

воздух кажется тёплым. Со стороны доносится далёкий смех — неясный, растворившийся в камнях, будто эхо чужого праздника. Но учту, — вежливо отзывается она и, мягко наклонившись вперёд, добавляет: — Мне хотелось бы больше узнать о вашем королевстве.

Тот переключает хмурый взгляд на стаканы. Протирая их по второму кругу, он глухо хрипит:

— Наше королевство зовётся Этерн-Морт. И вопреки бегущему времени, оно всё так же величественно и гордо, если сравнивать с другими... Ты и сама наверняка заметила, что торговля у нас процветает, а поля полны лунных злаков. Купцы везут добротный товар, а улицы ширятся. Среди коренных жителей немало тех, кто вовремя убрал верный меч в ножны, решив свить здесь гнездо и встретить мирную старость. Любая живая душа найдёт в этих стенах свой тихий уголок и ремесло по сердцу.

Он наклоняется ближе и, глядя ей в глаза, роняет:

— Только едва завидев тебя, я смекнул: ты ищешь здесь вовсе не дешёвую выпивку и не пустые трактирные сплетни. Но боюсь, леди, я не в силах дать тебе то, за чем ты на самом деле явилась в наши края.

Не успевает она ответить, как к стойке приближается старик с выцветшими глазами и глиняной кружкой в руке. От его ветхой одежды несёт табачным дымом. Он бесцеремонно разглядывает незнакомку.

— Вы удивительно похожи на ту, о ком поют в наших ста-

рых гимнах, дитя, — едва слышно шепчет он, и его костлявая рука заметно дрожит. — Вот только у той леди никогда не было столь глубокой, затаённой боли в глазах. Да и лица своего она от мира не прятала. Кто же вы? Лишь блёклое, обманчивое эхо... или вы наконец явились для того, чтобы позволить нашему Богу умереть спокойно?

Слова старика тут же язвительно подхватывает мужчина, сидящий за соседним столиком в кругу хмельных друзей. Он выделяется излишне броским, шикарным нарядом, щедро расшитым дорогими самоцветами.

— Хватит травить свои глупые байки, старик! — ехидно выкрикивает он, покачивая кубком. — Никто уже и не помнит этого Бога с тех самых пор, как он перестаёт являться народу. Если Он вообще когда-то существовал! Создатель давно оставил эти земли, Его нет, и точка! А ну-ка, неси нам лучше ещё эля, да поживее!

Старик лишь печально покачивает седой головой. Напоследок он бросает на странницу долгий взгляд, полный отчаянной, робкой надежды, и безмолвно скрывается вместе со своей выпивкой в бурлящей толпе.

Слова пожилого крутятся в голове. Его блёклые глаза слишком осознанные для пьяного. Дева негромко спрашивает кабачника:

— О чём он говорил?

— Существует одна очень древняя, горькая легенда о потерянной возлюбленной. Она уже почти забыта, и люди едва

не утратили веру, — он глухо вздыхает, утирая стойку. — Когда-то этот мир был иным — более ярким, дышащим и живым. Но Божество, сотворившее этот край, однажды потерял свою половинку. Она не просто умерла — она бесследно исчезла, растворившись в безжалостном межмирье. С тех самых пор наш Создатель навсегда ушёл в тень. Его незримое присутствие ещё чувствуется в тепле камней и ласковом сиянии луны, но сам Он медленно и необратимо угасал от вечной тоски.

Трактирщик задумчиво умолкает, потом продолжает:

— Жители давно разделились на два лагеря. На тех, кто всё ещё преданно ждёт Её прихода, и тех, кто превратил это предание в обычную сказку для детей. Божество всегда с нами, но тяжёлая потеря оказывается сильнее, и скорбь навек затмевает Его очи. Но помни: если бы Его не существовало вовсе — не существовало бы и всех нас.

Карлия гордо выпрямляет спину, чувствуя, как тугая шнуровка корсета жёстко сдерживает её вдох.

— Если ваш Бог так безвольно угасает от потери, значит, Он намного слабее любой из душ, что ныне существуют в этих стенах, — её голос звучит резко и жёстко. — Он эгоистично превратил этот огромный мир в тесный кокон для своего личного горя, а вас всех делает Его безмолвными пленниками. Тот, кто любит по-настоящему, никогда не заставит целое королевство тихо задыхаться от Его беспомощности и слабости под вечным пурпуром. Его больше нет. По-

тому что Он перестаёт быть истинным Создателем в миг, когда трусливо закрыл глаза на реальность.

Её слова падают в воцарившуюся тишину кабака, точно тяжёлые камни в стоячую воду. По углам зала проносится недобрый, испуганный шёпот, но ни одна живая душа не смеет подойти к ней. Вдруг внутри, глубоко под рёбрами — там, где раньше рождалось ослепительное кристальное сияние — она чувствует странный, острый укол.

Наклоняется к трактирщику, игнорируя ропот за спиной: — Оставим глупые сказки тем, кому больше нечем занять вечность, — отрезает она. — Скажи мне лучше: что там, за лесом?

Он на секунду замирает, и на пергаментном лице проступает вековая, глубокая усталость:

— Неужто ты и сама не ведаешь? За пределами также течёт время: развиваются государства, безжалостно ведутся войны, раскидываются огромные плодородные поля, живут крестьянские общины и шумят торговые городишки.

Выслушав, странница разворачивается и молча удаляется, хлопнув дверью.

А за стенами крепости, в тишине сада, Теневой Страж остаётся наедине с колышущимся морем своих заповедных цветов. Здесь нет и отголоска суетного шума — лишь веч-

ный, застывший в своей красе пурпур. Страж замирает посреди роз, чутко уловив едва заметную перемену в пространстве. Медленно перебирая пальцами бутоны роз, хранящие в себе застывшие чужие слёзы, он касается той самой алмазной слезы, что оставила странница. Он явственно ощущает пульсирующую в камне чистоту и дикую, ничем не сломленную непокорность.

«Люди забывают её лицо, но я помню её свет» — тайные мысли тихим эхом текут сквозь плотную ночную гладь. «Создатель засыпает, и вместе с ним рассыплется мир. Карлия... ты пришла слишком поздно или как раз вовремя?»

Лицо озаряется неподдельной, искренней улыбкой с едва уловимой ноткой горькой иронии, а в глазах вновь вспыхивает лихорадочный интерес к происходящему:

— Королевство предлагает тебе трон, а ты выбираешь путь...

Вдруг яркая улыбка Стража молниеносно гаснет. Глаза наполняются бездонной, вековой печалью, а взгляд обречённо опускается к самой земле.

«Он не забыл. Он ослеп от света, который ты уносишь с собой. И теперь ты возвращаешься, чтобы жестоко обвинить Его в темноте.»

Окончив свои безмолвные думы, колдун отрешённо поворачивается и продолжает безмятежно упиваться хрупкой красотой своих ночных роз.

Когда Карлия выходит из притона в ночь, она поднимает голову и пристально смотрит на сумеречное небо. Огромная луна, если взглядеться в неё по-настоящему внимательно, теперь действительно кажется подёрнутой едва заметной, траурной дымкой. Неземной свет больше не выглядит нерушимым — теперь он походит на призрачное пламя свечи, готовый вот-вот догореть навсегда.

Королевство окончательно погружается в сон. Навалившаяся свинцовая усталость начинает полностью подчинять себе тело девы. Тяжесть пережитого дня сильнее прежнего охватывает сознание единственным желанием: поскорее вернуться в свои покои, опуститься на мягкую кровать под балдахин и сладко, безмятежно сомкнуть глаза.

Поддавшись этому зову, она плотнее запахивает дорожный плащ и спешит отправиться обратно, к своему уединённому особняку.

На утро странница пробуждается от странного, глубокого сна. Сюжет быстро тает в предрассветных мыслях, оставив после себя лишь единственное эхо — чёткое, быющее в сознании слово: «Пора».

Изящное пространство комнаты озаряет всё тот же вечный пурпур, хотя по всем законам времени на дворе уже наступают утренние сутки. Она неспешно тянется в постели, чувствуя во всём теле удивительную, приятную лёгкость по-

сле ночного отдыха. Откинув лёгкое одеяло, проходит к гардеробной и без колебаний переодевается в свой полюбившийся наряд — прочный кожаный корсет и удобные штаны. Приведя себя в порядок, Карлия замирает перед зеркалом, невольно любуясь собственным отражением: идеальными плавными изгибами красивого тела, притягательными чертами лица и водопадом шелковистых волос. Засмотревшись на этот лик, она мягко касается ладонью прохладного стекла.

В зеркальном полотне от её пальцев брызжут золотистые, быстро гаснущие мелкие искры, похожие на волшебную пыльцу. Дева резко отпрядывает от зеркала. В груди вспыхивает не боль, а подступающий, внезапный липкий страх и полная неожиданность от случившегося. Кажется, неведомая, дремавшая внутри сила отчаянно пытается просочиться наружу через её нежную ладонь, но так и не может порвать оковы.

Пока она собирается с духом, в голове вновь отчётливо отпечатывается властный зов: «Пора». И вслед за этим мысленным приказом перед внутренним взором ярко проступает загадочный образ Теневого Стража.

Приглушённые звуки, доносящиеся из-за высоких окон, окончательно возвращают странницу в реальность. Там, на площадях, уже всюду кипит активная, шумная жизнь проснувшихся горожан. Тихий сквозняк шевелит волосы на виске — прохладно и щекотно. Накинув дорожный плащ,

она принимает твёрдое решение: немедленно навестить таинственного знакомого у ворот и вновь пройти по оживлённым местным улицам.

Королевство живёт своей полной, бурлящей жизнью. По мощёным улицам блуждают массы людей: чинные аристократы в золотых шелках, спешащие рабочие и умиротворённые «меченые». Кто-то из них пылко занят дневной работой, другие лениво наслаждаются полуденным отдыхом, а третьи стремительно идут мимо по своим неотложным делам.

Приближаясь к оживлённой торговой площади, Карлия улавливает упоительный, невыносимо вкусный аромат свежей выпечки. Этот тёплый шлейф несётся от неподалёку расположенной таверны, которая своим ухоженным видом и богатым фасадом выглядит куда престижнее и опрятнее, чем то мрачное заведение, которое находится в нижнем квартале. Внутри её живота отзывается резкий дискомфорт: отчётливые урчащие звуки и внезапное желание вкушать что-то сытное. Новое земное тело, обрётённое при воплощении, властно требует простой еды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.